

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ

ВОПРОСЫ ДЕМОГРАФИИ

ЖИЗНЕ-ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕМЬИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Ответственный редактор
доктор философских наук
А.И. АНТОНОВ

МОСКВА "НАУКА"
1990

ББК 60.7
Ж71

Авторы:
А.А. Авдеев, А.И. Антонов, Е.Ф. Ачильдиева, И.Ф. Дементьева, О. Н. Дудченко, И.Г. Жирицкая, Л. Махачек, А.В. Мытиль, Л.А. Соколова, Л. Спасовска, Л.В. Ясная

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор *Н.И. Дряхлов*,
кандидат экономических наук *А.Б. Синельников*

Жизнедеятельность семьи: Тенденции и проблемы / Отв.
Ж71 ред. А.И. Антонов. – М.: Наука, 1990. – 128 с.
ISBN 5-02-013363-9

Книга посвящена выявлению возможностей современного общества в решении назревших проблем института семьи. Рассматриваются взаимосвязи семьи с другими социальными институтами, выполнение семей производственной и воспитательной функций, проблемы повышения репродуктивного потенциала семьи.

Для демографов, социологов, философов, экономистов.

Ж $\frac{\mathbf{0703000000-337}}{\mathbf{042(02)-90}}$ **202-90, II полугодие** **ББК 60.7**

ISBN 5-02-013363-9

ВВЕДЕНИЕ

Чтобы обеспечить условия эффективного функционирования института семьи, необходимо прежде всего выявить его потенциальные возможности в решении экономических, демографических, социально-психологических, педагогических и других проблем. Этим и обусло́влен комплексный подход к исследованию семьи, изучению различных сторон ее жизнедеятельности – репродуктивной, воспитательной, производственной. Малодетность и соответствующая ей система семейных и внесемейных ценностей и ценностных ориентаций находит все более широкое распространение не только в нашей стране.

Характерные для любого этапа развития противоречия между интересами общества и семьи, с одной стороны, и семьи и личности – с другой, в настоящее время чрезвычайно обострились под воздействием комплекса социально-экономических проблем, накопившихся в нашем обществе. Многообразие этих проблем – жилищной, продовольственной, проблемы "двойной" женской занятости, отставания развития социальной инфраструктуры от потребностей населения, и в частности семьи, – отражается в противоречивости жизнедеятельности современной семьи как социального института.

Особого внимания заслуживают отрицательные последствия, вызванные распространением внесемейных ценностных ориентаций, отторжением от семьи ее основных функций, все большей дезорганизацией семьи.

Острота этих проблем усугубляется снижением социальной значимости семьи, что находит свое выражение в отсутствии действенных государственных мер, направленных на повышение ценности семьи, родительства, детей.

Социология семьи позволяет раскрыть необычность современного этапа, беспрецедентность сложившейся семейной ситуации в промышленно развитых регионах мира, способствует пониманию необходимости для общества находить на каждом из этапов общественно-экономического развития адекватную форму разрешения противоречий общества, семьи и личности в отношении рождения и воспитания детей. Одна из центральных задач при этом – поиск закономерностей формирования и изменения семейных ценностей, ценностных ориентаций личности на брак и семью, на детей и родительство.

Монография во многом носит поисковый характер. Исходя из различных теоретических концепций и опираясь на результаты проведенных исследований, авторы предприняли попытку интегрировать имеющиеся

активная антинаталистическая политика в Китае не оказали сколько-нибудь заметного влияния на рождаемость. То же относится и к пронаталистической политике во Франции, которая до 70-х годов сопровождалась строгим запретом аборта и ПЗС, но тем не менее не привела к росту рождаемости.

Запрет на аборт и ПЗС не лишает семью возможностей ограничивать рождаемость, но оставляет в ее распоряжении лишь наиболее вредные и неэффективные методы (прерванное половое сношение, спринцевание, ритм) и нелегальный аборт как следствие этой неэффективности. И наоборот, самое широкое предложение ПЗС и разрешение аборта не приводит к снижению рождаемости, так как ни в коей мере не затрагивает индивидуальной потребности в детях, котрая, как правило, не меняется на протяжении жизни одного поколения. Таким образом, регулирование доступности тех или иных методов предупреждения беременности и деторождения оказывает влияние не на рождаемость, а скорее всего на здоровье населения.

2. ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ПЛАНИРОВАНИЯ СЕМЬИ В ПРАКТИКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СССР

Как уже говорилось, концепция планирования семьи долгое время развивалась латентно, и судить о ней можно было только по тем реальным мероприятиям, которые проводило государство. Во всех капиталистических странах до середины XX в. были запрещены аборты, что существенно затрудняло исследования намеренного ограничения рождаемости. В то же время запрет именно аборта при более или менее лояльном отношении к ПЗС (англо-саксонское мальтузианство) представляет собой не случайное явление. Думается, что в условиях отсутствия эффективных ПЗС, таких, как внутриматочные средства, аборт оставался главным методом регулирования рождаемости. Это подтверждает и статистика роста числа абортов, составленная на основе криминальной статистики ряда стран начала XX в.[3]

Не изменилось положение и после второй мировой войны. Так, в 40-х годах в США ежегодно производилось от 700 тыс. до 2 млн абортов, во Франции в 1947 г. было зарегистрировано 1 млн абортов и 866 тыс. родов, в те же годы в ФРГ соотношение родов и абортов составляло 1:1, а в Австрии 1,2,5, – 1:3[4]. Таким образом, именно по отношению государства к абортам можно судить о господствующей концепции планирования семьи.

Более надежные данные об абортах имеются по социалистическим странам, хотя и здесь информация далека от полноты. По Болгарии, Чехословакии, Венгрии, ГДР и Югославии данные достаточно полны и надежны[5]. В Румынии в число регистрируемых включаются случаи обращения

[3]См.: *Блюменау Ф.Б.* Аборт и меры его предупреждения. 2-е изд. Л.; М., 1930.

[4]*Вербенко А.А., Ильин С.Е., Чусовая В.Н., Альшевская Т.Н.* Аборты и противозачаточные средства: Клинико-статистическое исследование. М., 1968.

[5]*Tieze G.* Induced Abortion // A world review. N. Y., 1983.

для лечения последствий самопроизвольных или нелегальных абортов, румынские данные поэтому не вполне сопоставимы с информацией по другим странам. Официальные данные по Польше имеют существенный недоучет, так как значительное число абортов производится частнопрактикующими врачами[6].

Наибольший интерес представляет анализ отношения к аборту и ПЗС в СССР, так как именно здесь впервые в мире было отменено запрещение аборта и развернулась работа по научному анализу его причин. Фактически все остальные страны лишь повторили путь, пройденный Советским Союзом с 1920 по 1936 г. К сожалению, сам СССР начал повторять этот путь, начиная с 1955 г.

Между тем, история изучения планирования семьи в нашей стране чрезвычайно богата, и можно без лишней скромности утверждать, что она была первой страной в мире, где исследования регулирования рождаемости были признаны одними из важнейших и получили серьезную материальную базу и практическое направление.

Политика СССР в отношении искусственного аборта в 20–начале 30-х годов

Советское государство буквально с первых дней существования обратилось к проблеме социального обеспечения права личности и семьи на выбор числа детей и времени их рождения. Еще в 1913 г. В.И. Ленин писал, что отмена всех законов, преследующих аборт или распространение медицинских сочинений о предохранительных мерах, представляет собой охрану "азбучных прав гражданина и гражданки"[7].

В 1920 г. Советское правительство легализовало аборт. Либерализация законодательства об абортах вытекала из демократической сущности молодого государства и означала, что социалистическое общество принимает на себя ответственность за профилактику этого негативного с медицинской точки зрения явления.

Либерализация законодательства об аборте была осуществлена в нашей стране в то время, когда в парламентах других стран лишь только начинались ожесточенные дебаты об отношении государства к абортам. При этом законодательные инициативы были направлены, как правило, на усиление ответственности за производство аборта. Такое положение дел было неслучайным и отражало, пусть и неосознаваемое в то время, развитие общей концепции планирования семьи.

Можно выделить три основных этапа развития этой концепции. Первый характеризуется дебатами по поводу отношения государства к аборту. При этом как у сторонников, так и у противников легализации аборта в основе позиции лежал неомальтузианский тезис о том, что неблагоприятные материальные условия сдерживают реализацию стремления к размножению, извечно присущего человеку. Либералы, отстаивая свобо-

[6]*Okolski M.* Abortion and contraception in Poland // Studies in family planning. N. Y., 1983. Vol. 4, N 1.

[7]*Ленин В.И.* Полн. соб. соч. Т. 23. С. 257.

ду личности в отношении принятия решений о числе детей, видели путь борьбы с абортами в улучшении материального положения и усилении государственной помощи семьям с детьми, консерваторы полагали, что ужесточение политики в отношении аборта – путь к повышению рождаемости.

Наиболее характерны для этого периода дебаты по поводу легализации аборта, проходившие в 1925 г. в германском рейхстаге. Депутаты-коммунисты, связывая рост числа абортов с увеличением занятости женщин и уменьшением государственных ассигнований на помощь беременным, родильные дома и т.п., требовали легализации этой операции. Однако в результате обсуждений аборты не только не были легализованы, но, напротив, запрещающее законодательство было ужесточено. Таким образом при пронаталистической политике Германии того времени запрет аборта представлял собой альтернативу государственной помощи семье. Нетрудно понять, что и сторонники, и противники разрешения аборта подспудно предполагали наличие прямой зависимости между материальным положением семьи и числом детей. Может быть, именно то, что столь противоположные позиции имели фактически одно основание, так отдалило либерализацию абортов в большинстве стран. Как известно, одной из первых изменило свое отношение к аборту правительство Японии – в 1948 г.

Второй этап развития концепции планирования семьи характеризуется тем, что в центре внимания оказывается дилемма: легальный или нелегальный (внебольничный) аборт. Дело в том, что легализация аборта сама по себе не решает всего комплекса проблем планирования семьи. Но чтобы эти проблемы были хотя бы поставлены, необходимо сделать первый шаг – отменить наказание за аборт.

Советское здравоохранение столкнулось с этим сразу же после Постановления Народного комиссариата здравоохранения от 18 ноября 1920 г. Постановление преследовало две цели: первое и главное – борьба против подпольного аборта и сведение до минимума вреда для здоровья от этой операции во внебольничных условиях; второе – вытащив аборт из подполья, наладить систематическое изучение его причин и таким образом найти главные направления борьбы с абортами вообще.

Легализация аборта не замедлила дать положительные плоды, в докладе на Всесоюзном съезде по охране материнства и младенчества в 1925 г. А.Б. Генс говорил: "... у нас в Ленинграде, при нашей бедной еще санитарно-технической обстановке умирает в 2-3 раза меньше от сепсиса после родов и абортов, чем в Берлине, где, конечно, санитарно-техническая обстановка в больницах выше нашего. Этот высокий процент смертей от послеродового сепсиса в Берлине объясняется только подпольным абортом"[8].

Но на деле, хотя аборт и был разрешен, недостаточное количество абортивных коек и нехватка врачей по-прежнему толкали женщину, особенно в деревне, в руки знахарок и повитух, поэтому число зарегистрированных внебольничных абортов оставалось весьма высоким. Для преодоления этих трудностей были внесены определенные коррективы в законодательство.

А.Б. Генс писал в 1927 г.: "Мы предъявили к нашим больницам требование принять на койку большое число женщин для производства абортов, но число коек в них было и остается еще недостаточным и, кроме того, в 1920–1923 г. они еще в сильной мере были заняты инфекционными больными, и некоторые из них вообще не функционировали вследствие хозяйственной разрухи"[9]. Поэтому 3 ноября 1924 г. было издано постановление о создании абортных комиссий для выдачи разрешений на бесплатный аборт с установлением порядка очередности для женщин:

1 – безработные-одиночки,
2 – одиночки-работницы, имеющие одного ребенка,
3 – многодетные, занятые на производстве,
4 – все остальные категории застрахованных,
5 – остальные гражданки.

Получившие отказ были вынуждены прибегать к подпольному аборту, кое-где, главным образом в крупных городах, стали возникать частные больницы, где не требовали разрешения комиссии. Большинство Губздравов установили для не имеющих социальных показаний к аборту плату за эту операцию, разворачивая на вырученные деньги новые койки. Таким образом пытались разрешить новую проблему, обозначившуюся в связи с легализацией аборта. Встал вопрос, как должна быть организована медицинская помощь по регулированию рождаемости.

Пока в основе решений, направленных на снижение нагрузки на гинекологическую службу, лежали две посылки: во-первых, ограничить доступ к аборту путем разработки некоторых критериев оценки нежелательной беременности, т.е. фактически лишить женщин и семьи права на эту оценку; во-вторых, увеличить количество абортных коек.

В дальнейшем стал более отчетливо прослеживаться дуализм в теоретических подходах, который выражался в том, что не было найдено удовлетворительного объяснения снижению рождаемости и оно по-прежнему рассматривалось как временное явление, в то время как активные дискуссии в медицинских журналах того времени выводили организаторов здравоохранения на необходимость активизации распространения ПЗС и на перестройку работы женских консультаций. Возникала очень сложная ситуация. С одной стороны, аборты рассматривались как безусловное зло (главным образом, с точки зрения рождаемости), контрацепция – тоже зло, но меньшее по сравнению с абортом, а с другой – очевидной необходимости перестройки работы по обеспечению планирования семьи противостояли соображения о том, что зло это все-таки временное и его социальные причины вот-вот исчезнут.

Однако проблема аборта продолжала обостряться. Например, в Красноярске с 1920 по 1927 г. число абортов, произведенных в стационаре, уве-

[8] *Генс А.Б.* Аборт в РСФСР. М., 1926. С. 8.

[9] *Генс А.Б.* К проблеме легализации абортов в РСФСР // Аборты в 1925 г. М., 1927. С. 22.

Таблица 2. Доля подпольных абортов, %

	1924 г.	1925 г.
Губернские города	29,0	25,1
Уездные города	32,3	27,9
Сельская местность	46,1	42,8
В среднем	37,0	28,8

Источник: Аборты в 1925 году. С. 23–24.

личилось в 9,85 раза, при этом доля абортов в общей загрузке гинекологического отделения составила в 1927 г. 72,7% против 42,2 в 1920 г.[10]

Кроме того, остро стоял вопрос об абортах в сельской местности, так как именно там особенно не хватало врачей. Введение комиссий для разрешения аборта не привело к уменьшению их числа и нагрузки на гинекологические отделения. Так, если в 1924 г. (без данных по Северо-Кавказскому краю, Уралу и губерниям Вологодской, Курской и Нижегородской) было зарегистрировано 131 572 аборта (легальных и нелегальных), то в 1925 г. их было уже 200 тыс. При этом доля подпольных абортов снижалась крайне медленно. В 1923 г. они составляли 42% общего числа, данные за 1924 и 1925 гг. приведены в табл. 2.

Работа абортных комиссий имела ряд последствий.

1. Доступность аборта оказалась социально дифференцированной, особенно в сельской местности. Поскольку комиссии функционировали только в городах и представители бедных слоев не могли отрываться от работы, чтобы съездить в города, они стали чаще прибегать к подпольным абортам. В то же время менее занятые на работах представители зажиточной части крестьянства вполне могли съездить в город и получить квалифицированную помощь. Кроме того, преимущества получили жены ответственных работников, которым сельский врач не осмеливался отказать в операции. Так, в сельской местности Одесского округа 80% абортировавшихся в 1926 г. составили жены ответственных работников[11].

2. С июля 1924 г. в карточках, заполнявшихся комиссиями, стали указывать мотивы аборта. Это привело к появлению новых аргументов в пользу концепции помех. Учитывая список очередности предоставления права на бесплатный аборт, можно предположить, что обращавшиеся в комиссию женщины предпочитали назвать те причины, которые, по их мнению, должны повлиять на благоприятное решение. Таким образом в структуре регистрируемых мотивов ведущее место стала занимать

[10] *Благодаров А.А.* К материалам по вопросу о выкидыше с медицинской и социальной точек зрения на основе 4825 наблюдений // Журн. акушерства и женских болезней. 1931. Т. 42, № 1. С. 114.

[11] *Keруман Д.* Абортная политика на селе // Вестн. современной медицины. 1927. № 13. С. 879–880.

Таблица 3. Структура мотивов абортов за 1926 г., %

Мотив	Москва, Ленинград	Губернские города	Прочие города	Сельская местность
Недостаток материальных средств	47,8	49,6	46	48,8
Болезненное состояние	12,3	13	21,6	18,8
Наличие грудных детей	6,8	9	5,7	5,1
Нежелание иметь детей	15,7	8,2	11,4	12,8
Мотивы неизвестны	16,7	19,1	19,6	10,4
Желание скрыть беременность	0,5	0,7	1,7	4,1

Источник: *Блюменау Ф.Б.* Указ. соч. С. 32.

материальная и жилищная необеспеченность. И хотя эти данные не согласовывались с социальным и семейным составом абортировавшихся, все же они позволяли предположить, что по мере улучшения условий жизни причины аборта, а вместе с ними и сам аборт должны исчезнуть. Ссылки на тяжелые материальные условия составляли около половины указывавшихся причин (табл. 3).

Это вступало в явное противоречие как с реально повышавшимся после разрухи и гражданской войны уровнем жизни, так и с общей идеологией, зачастую базировавшейся на принципе "а у нас наоборот". Неомальтузианская теоретическая база, связавшая благосостояние и рождаемость, фактически превратила распространенность абортов в индикатор социального развития. Поэтому сохранявшийся рост абортов не получал должного теоретического объяснения и начинал выглядеть как анахронизм.

В дальнейшем продолжалась политика постепенного ограничения доступа к аборту, несмотря на всю ее бесплодность. Хотя циркуляр Наркомздрава от 17 марта 1925 г. и дал право участковым врачам самостоятельно решать вопрос об аборте по социальным и медицинским показаниям, уже 12 февраля 1926 г. поступило дополнительное разъяснение о том, что аборт при беременности свыше 3 месяцев не разрешается. Ф.Б. Блюменау писал в конце 20-х годов, что поскольку количество искусственных выкидышей после декрета 1920 г. не только не уменьшилось, но и продолжало расти, "наше правительство принуждено было внести некоторые поправки к декрету; так, в 1926 г. Наркомздравом было запрещено производить аборты при отсутствии важных жизненных медицинских показаний, также было запрещено делать искусственные аборты при беременности более 3 месяцев. В последнее время специальная комиссия Наркомздрава разработала ряд условий, при которых искусственные аборты вообще не будут допускаться"[12].

С 1924 г. в связи с началом работы комиссий по борьбе с абортами ста-

[12] *Блюменау Ф.Б. Указ. соч. С. 32.*

Таблица 4. Распределение абортировавшихся в Вотской области по занятиям, %

	1926 г.	1927 г.		1926 г.	1927 г.
Рабочие	10,4	8,4	Заключенные	–	0,1
Служащие	14,5	14,7	Домохозяйки	64,7	68,3
Учащиеся	1,8	1,3			
Безработные	6,6	5,6	Прочие и неизвестные	2,0	1,6
			Итого	100,0	100,0

Источник: *Куликов*. Аборты в Вотской области // Журн. по изучению раннего детского возраста. 1929. Т.9, № 7. С. 755, 756.

Таблица 5. Распределение абортировавшихся домохозяек по занятию мужа

	1926 г.	1927 г.		1926 г.	1927 г.
Рабочие	41,3	47,0	Пенсионеры	3,4	3,6
Служащие	40,7	30,3	Безработные	0,9	4,8
Военнослужащие	1,5	0,5	Заключенные	0,6	0,5
Учащиеся	0,3	1,6			
Кустари	0,9	1,8	Прочие и неизвестные	10,1	9,0
Торговцы	0,3	0,9	Итого	100,0	100,0

ла систематически собираться статистическая информация о возрасте, социальном положении, национальности, грамотности, брачно-семейном состоянии абортирующихся, а также о числе детей и предыдущих абортов. Публикация этой информации за 1925 и 1926 гг. заставила ученых серьезно задуматься об обоснованности теоретических позиций. Уже первые исследования показали, что гипотеза о прямой зависимости между рождаемостью и уровнем жизни не подтверждается. Так, по наблюдениям Саратовской губернской комиссии по борьбе с абортами оказалось, что большинство обратившихся за разрешением на аборт – женщины в возрасте 20–29 лет (67%), однодетные и бездетные (56%), замужние (89%) и имеющие постоянный источник дохода (90%). "Глядя на эти цифры, – писал председатель комиссии врач П.Соколов, – невольно думаешь, что здесь далеко нет тех указаний на тяжелое безвыходное положение женщин, которое должно было толкать на столь серьезную операцию, совершенно не решающую вопроса о дальнейшем положении женщины. . . .Ибо если признать этот фактор (благосостояние. – *А.А.*) за главную причину абортизма, то несомненно, что современные тяжелые экономические условия должны еще тяжелее отозваться на лицах более почтенного возраста,многосемейных, вдовах и девушках, чем на молодых, бездетных и замужних женщинах"[13].

Опубликованные бывш. ЦСУ СССР данные об абортах в 1925 и 1926 гг. подтвердили, что большая часть абортирующихся – малодетные или бездетные женщины, состоящие в браке и не относящиеся к наиболее бедным слоям населения, таким, как безработные и т.п. Это же показали и выборочные обследования, проводившиеся врачами-энтузиастами. В качестве примера можно привести исследование абортов в Вотской области за 1925–1927гг. (табл. 4 и 5).

Оставаясь в рамках концепции помех, можно было предположить, что либо условия жизни ухудшаются, либо мы имеем дело с каким-то инерциональным процессом, доставшимся нам от капиталистической эпохи. Именно последняя мысль усиленно развивалась. Один из крупнейших наших социальных гигиенистов С.А. Томилин в 1927 г. выдвинул положение о том, что каждой хозяйственной эпохе соответствуют два периода – "период экспансивного размножения человечества, когда установившиеся при данной форме хозяйства материальные средства расширяли возможности размножения, и период превентивный, когда при уровне данного хозяйственного строя продуктов продовольствия уже недостает для новых сочленов и когда размножение ограничивается"[14]. Позиция С.А. Томилина строилась на мальтузианском подходе, а кроме того, в целом была весьма недемократична.

Во-первых, она рассматривала легализацию аборта как временную меру, которая будет скоро отвергнута; во-вторых, предполагая в будущем наступление "превентивного периода" при социализме и даже возможной депопуляции в связи с использованием ПЗС, автор считал, что "государство будущего социалистического строя роковым образом будет вынуждено взяться за регулирование генеративной жизни, как оно начинает уже это делать сейчас"[15]. При этом никакого волеизъявления личности не предполагалось.

Влияние на государственное отношение к аборту оказали и внутриполитические события в нашей стране. Резкое замедление темпов роста населения, увеличение смертности из-за голода в начале 30-х годов и активной политики раскулачивания и переселения значительных масс населения привели к расхождению между политическими декларациями и объективными демографическими данными. Разработанная перепись населения откладывалась, а переписной лист, по некоторым свидетельствам, редактировался лично И.В.Сталиным. Официальные оценки численности населения, по-видимому, все в большей степени превышали его реальную численность. Тезис о том,что в результате завершения первых пятилеток социализм в основном построен, уже не вязался с абортом как явлением временным, связанным с трудностями переходного перио-

[13] *Соколов П.* Кто и почему делает аборт: (По наблюдениям Саратовской губкомиссии по борьбе с абортами) // Аборт. Саратов, 1925. С. 17–18.

[14] *Томилин С.А.* Проблема народонаселения: (Формулировка основных законов размножения населения) // Врачебное дело. 1927. № 23–24. С. 1887.

[15] *Томилин С.А.* Проблема народонаселения... С. 189.

да. Политическая логика подсказывала, что настало время для отмены разрешения на его производство.

Таким образом, запрет аборта в 1936 г. был закономерным завершением развития концепции планирования семьи в 20-е годы. Поскольку ПЗС рассматривались как средства регулирования рождаемости в качестве альтернативы аборту, они должны были повторить его судьбу.

Искуственный аборт и противозачаточные средства: научные исследования и дискуссии в 20-е годы

Чем больше накапливалось и анализировалось данных об абортах, тем очевиднее становилось, что улучшение условий жизни отнюдь не сопровождается уменьшением их распространенности и увеличением рождаемости. И все настойчивее звучала мысль, что борьба с абортом требует совершенно нового подхода – распространения противозачаточных средств. В 1929 г. Д.М.Гинодман, признавая неизбежность регулирования рождаемости в современном обществе, писал, что происходить оно должно без ущерба для здоровья женщины, для государства и вести к действительному оздоровлению человечества. «Будут не полны те бесспорные достижения, – отмечал он далее, – которые мы имеем в нашем Союзе в деле охраны материнства и детства, если не организовать дело распространения противозачаточных средств, не сделать их достоянием трудовых женских масс. Исключительно путем широкого распространения противозачаточных средств возможна борьба с абортами, возможно заменить "количество" беременностей "качеством", сделать их желанным и, таким образом, сохранить уже рожденных детей, то есть усилить борьбу со смертностью раннего детского возраста, которая, к сожалению, у нас еще высока»[16].

Фактически конец 20-х годов ознаменовался переходом к третьему этапу стихийного развития концепции планирования семьи, содержание которого можно выразить следующим образом: контрацепция или искусственный аборт. В научной литературе и массовых популярных изданиях стал ощущаться крен в сторону позитивного изучения и пропаганды противозачаточных средств. Не только выпускались брошюры с описанием известных методов предупреждения беременности, но также начались разработки новых методов. В 1925 г. при отделе охраны материнства и младенчества Наркомздрава СССР была создана Комиссия по изучению противозачаточных средств, а также научно-производственная лаборатория.

Организация массового распространения противозачаточных средств предполагалась через акушерские пункты, консультации для женщин, дома матери и ребенка (перед выпиской матери), сельские консультации, амбулатории по женским болезням. Основная роль при этом отводилась женским консультациям.

---

[16]*Гинодман Д.М.* Организация массового распространения противозачаточных средств // Журн. по изучению раннего детского возраста. 1929. Т. 9, № 8. С. 679–680.

На наш взгляд, особого внимания заслуживает выдвинутое в 1926 г. А.Антоновым предложение о выделении для этой цели специального учреждения – консультации по регулированию рождаемости[17].

Л.Л.Окинчицем были разработаны положения об оптимальных с медицинской точки зрения сроках деторождения: оптимальный возраст матери при рождении детей от 20 до 35 лет, интервалы между рождениями не менее 3 лет и число рождений 4 или максимум 5 (учитывая необходимый уровень воспроизводства населения)[18].

Особенно хотелось бы отметить изобретение саратовским врачом С.Г.Быковым метода регулирования менструальной функции с помощью вакуум-аспирации, которому спустя сорок с лишним лет суждено было сыграть большую роль в развитии регулирования репродуктивной функции.

В конце 20-х годов в СССР впервые в мире начались исследования влияния особенностей планирования семьи на смертность. Под руководством проф. С.А.Томилина было проведено выборочное обследование планирования крестьянской семьи и его влияния на детскую смертность. Изучалось воздействие таких факторов, как возраст матери, очередность рождения, интервал между двумя последовательными рождениями, число ранее рожденных детей. Удостоверив данными исследованиями, что неблагоприятное влияние на детскую смертность имеют слишком молодой (до 20 лет) возраст матери, высокий порядковый номер рождения ребенка, короткий интервал между родами, С.А.Томилин писал, что "эти факты свидетельствуют о необходимости обратить серьезное внимание на проблему рационализации женского полового быта в деревне"[19]. Таким образом, уже тогда была поставлена проблема, говоря современным языком, обучения населения рациональному планированию семьи. Другими словами, был обозначен переход к четвертому современному этапу развития концепции планирования семьи.

В то же время начались исследования грудного вскармливания, причем была констатирована тенденция к сокращению сроков кормления ребенка и более раннему введению прикорма. Осталось сделать только один шаг к началу исследования роли лактации в планировании семьи.

Особый интерес представляют проводившиеся в 20-х годах медико-социологические исследования распространенности ПЗС. Так, в упомянутом исследовании С.А.Томилина было выявлено, что 9% крестьянок пользуются противозачаточными методами (в основном прерванным половым сношением). Более интересные исследования в этом направлении проведены М.М.Левиным в бывш. Кременчугском округе, С.Г.Быковым в Саратове и А.А. Лебедевым в Иваново-Вознесенске. Особенно важно, что данные исследования в качестве основной задачи выдвигали нахождение путей распространения ПЗС среди населения.

---

[17]См.:*Антонов А.* Консультация по регулированию деторождений как мера борьбы с абортами // Профилактическая медицина. 1926. №12. С.С. 61–67.

[18]См.:*Блюменау Ф.Б.* Указ. соч. С.С.47–48.

[19]*Томилин С.А.* К вопросу о плодовитости крестьянки и ее влиянии на детскую смертность // Журн. по изучению раннего детского возраста. 1929. Т.9, №9, С.740.

Глава 5

МНОГОДЕТНАЯ СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: УСЛОВИЯ ЖИЗНИ, ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ, МЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Жизнь многодетных семей в современном обществе, их положение, условия жизни, нормы поведения и детности и многие другие проблемы – предмет обсуждения социологов, социальных психологов, юристов, педагогов. Многодетность сегодня почти не изучается, и объяснения ее корней, источников репродукции, которые имеют место в научной и публицистической литературе, умозрительны, научно не обоснованы. В общем виде можно выделить четыре наиболее важных направления для изучения проблемы многодетных семей. Первое – выявление корней многодетности, описание типов многодетных семей и их внутренней структуры. Второе – изучение условий жизни таких семей. Третье – изучение общественного мнения о многодетной семье. Четвертое – формулирование концепции государственной политики по отношению к многодетным семьям.

Определение самого понятия "многодетная семья" представляет существенное затруднение. Каковы критерии многодетности? Когда детей "много", "слишком много", "мало", очень мало"? Обычно определения такого рода даются со ссылкой на достаточность детей для целей воспроизводства населения. Однако родители осознают свою ответственность за уровень и качество жизни собственной семьи и не считают себя ответственными за воспроизводство населения страны.

По-видимому, более точным и четким при определении понятия "многодетность" является социально-психологический критерий соответствия социальным нормам детности, принятым в обществе. Тогда значение "порога", с которого семья считается многодетной, будет разным для разных регионов СССР. Так, в районах с небольшим средним числом детей в семье, например в Москве, Ленинграде, Вильнюсе и т.п., трехдетная семья – многодетная. Для республик же Средней Азии 3–5 детей в семье – сегодняшняя норма, привнесение в этот регион иных социальных норм приводит к неоправданным смещениям в представлениях об отношении к многодетности, ее поощрении и т.д.

Обращение к социальной норме детности и введение критерия "детность меньше нормы", "нормального уровня", "выше нормы", "значительно выше нормы" отражает отношение к числу детей в семье и значительно упрощает задачу определения собственно многодетности как социального явления. В случае же необходимости сравнения уровня детности по регионам всегда можно использовать как демографические определения, так и просто показатели детности по стране, вычисляемые по единой методике. Поскольку в нашей стране на сегодняшний день существует три социальных нормы детности, то и уровни многодетности варьируют таким же образом. Для регионов с преобладанием семей с 1-2 детьми многодетной будет считаться семья с 3 и более детьми, а многодетность значительно выше нормы будет исчисляться с 5-го ребенка. В республиках Средней Азии многодетность скорее всего следует считать с 6-го ребенка. Существуют регионы с переходным типом детности. В общем виде многодетной можно считать семью (и мать), которая имеет число детей больше, чем предписывается социальной нормой детности.

Наряду с традиционной многодетностью все более заметной становится "новая" многодетность. Она базируется на собственных установках супругов на рождение большого числа детей в семье, не связана с нормами родительской семьи, социального окружения, противоречит сложившимся в регионе нормам детности и, как правило, сопровождается уровнем социальной непроизводственной активности супругов. Трудно сегодня предсказать перспективы развития этого типа семьи, хотя именно он наиболее интересен для исследователя.

В качестве типологизирующего признака может быть взято представление о ценности для супругов нескольких детей. В этом случае первый тип характеризуется многодетностью, которая вытекает из реализуемых супругами установок. Для таких семей дети являются самостоятельной и первоочередной ценностью.

Ко второму типу относится многодетность, возникшая вследствие рождения в семье бóльшего числа детей, чем супруги предполагали в начале семейной жизни, причем речь идет о коррективах, производимых внешними условиями. Это встречается не так уж редко и связано с рождением двойни или тройни, а также с поздним осознанием наступления беременности. Сюда же можно отнести и случаи рождения еще одного ребенка при условии, когда прерывание наступившей беременности нежелательно по медицинским показаниям. Особые случаи – слияние неполных семей с несколькими детьми. В этих семьях отчетливо прослеживается тенденция к закреплению созданной новой семьи с помощью рождения еще одного ребенка. Для большей части семей, столкнувшихся с такими ситуациями, адаптация к "вынужденной" многодетности (это, как правило, 3–5-детные семьи) – трудный и длительный процесс, но в результате семья в подавляющем большинстве случаев стабилизируется и воспитывает хороших, полноценных с точки зрения общества детей. Этот тип семей можно условно назвать семьями с актуализированными внешними факторами установками на наличие в семье нескольких детей.

У третьего типа семей рождение большего числа детей можно, на наш взгляд, считать проявлением неблагополучия. Для супругов или одного из супругов несколько детей в семье имеют также инструментальную ценность, с помощью детей супруги могут достичь какой-то цели, получить какие-то блага, преимущества, оправдание осуждаемого обществом поведения и т.п. Следует оговориться, что чаще имеются в виду не материальные блага, льготы, пособия, а скорее социально-психологические: самоутверждение, стремление к самореализации, подтверждение высокой самооценки, не соответствующей мнению окружающих. Сюда же относятся семьи, в которых многодетность – следствие нескольких разводов и повторных браков матери. К этому же типу многодетных семей можно отнести и неполные семьи, в которых мать, имея нескольких детей, не состоит, а часто никогда и не состояла в браке. Такие семьи плохо организованы, в них чаще воспитание перекладывается на обществен-

ные учреждения, детей отдают в ясли, круглосуточный детский сад, школу-интернат. Этот тип семьи – источник множества отклонений и способствует формированию у части населения мнения, оценивающего семью с несколькими детьми в крупном городе как отрицательное явление.

Особое место в изучении многодетности в урбанизированных регионах страны занимает вопрос о регулировании числа рождений и интервалов между ними (интергенетических материалов). Регулирование числа и времени рождения детей у многодетных матерей, так же как и у малодетных, крайне неэффективно. По данным медико-социального обследования семей с 4 и более детьми на одну многодетную мать пришлось в среднем 6,8 беременностей, из которых 4,9 завершилось родами, 1,6 – абортами, 0,3 – выкидышами[1]. По результатам исследований складывается впечатление, что многодетная семья регулирует интервалы рождения детей. Среднее число беременностей многодетной матери не выше, чем аналогичный показатель для женщин с 1-2 детьми, хотя исходы беременностей разные: для первых это преимущественно роды, для последних – аборт. В то же время выделяется группа многодетных матерей, которые полностью отвергают регулирование числа рождений, к ним относятся женщины (а часто и семьи), у которых преобладает традиционно-религиозный взгляд на материнство.

В процессе анализа условий жизни многодетной семьи и основных ее социально-демографических характеристик используются материалы социологических исследований многодетных семей, проведенных сектором социальных проблем семьи Института социологии АН СССР в 1987–1988 гг. в Москве и Ленинграде. Опрашивались матери семей с 3 и более детьми, в которых было хотя бы двое детей не старше 16 лет. В Москве опрос был проведен в районе Северное Чертаново (Севастопольский район) и в Куйбышевском районе. В Ленинграде были опрошены жители дома на Выборгском шоссе, специально построенного для многодетных семей, и актив клуба "Оптимист", который также состоит из многодетных семей. Основной целью этих исследований было изучение положения многодетной семьи в условиях большого города. Кроме того, в главе использованы материалы Всесоюзного исследования "Общественное мнение о многодетной семье", которое было направлено на определение отношения различных слоев и групп населения к многодетности как таковой, выяснение взглядов на поощрение семей с несколькими детьми, а также на изучение уровня информированности населения страны о действующей системе мер поощрения многодетной семьи, отношения к этой системе и оценки предлагаемых вариантов изменений в порядке награждения за многодетность. Исследование проводилось в 11 регионах страны[2]. Опро-

---

[1]*Черепанова И.С.* Многодетная семья как объект комплексного медико-генетического исследования // Планирование семьи и национальные традиции. Тбилиси, 1988. С. 192–193.

[2]Исследование было проведено сектором социальных проблем семьи Института социологии АН СССР в 1988 г. Зав. сектором А.И. Антонов, ответственный исполнитель Е.Ф. Ачильдиева.

Таблица 12. Распределение супругов по уровню образования на момент опроса, %

Уровень образования	Матери		Отца	
	с 3–4 детьми	с 5 детьми и более	с 3–4 детьми	с 5 детьми и более
Неполное среднее	10	22	8	20
Общее среднее	33	38	20	31
Среднее специальное	26	16	19	13
Высшее и незаконченное высшее	31	23	51	31
Ученая степень	–	1	2	5

шено 3220 человек. В данной работе используется информация по регионам с выраженной малодетностью.

Изучение условий жизни многодетных семей показало, что семьи с 3–4 детьми довольно сильно отличаются по многим параметрам от семей с 5 и более детьми. Семейное положение многодетных родителей характеризуется следующими данными: 80% матерей и 83% отцов состоят в первом браке, 1/5 часть семей (21%) – трехпоколенные, причем среди них преобладают семьи, в которых живут родители жены (15%). Семей с 3 детьми было 68%, с 4 – 14%, с 5 – 12%, с 6 и более – 5%. Характеристика уровня образования супругов на момент опроса содержится в табл. 12. Отчетливо фиксируется различие по уровню образования родителей 3–4 детей, 5 и более детей, причем различия существенны как для мужчин, так и для женщин.

Семья с 3–4 детьми и материально выглядит несколько более благополучной, у нее выше средний доход в расчете на одного члена семьи (табл. 13). Это видно и по данным внутригрупповых средних величин. Если в целом по всем семьям средний доход составляет 59,1 руб., то для семей с 3 детьми он равен 73,8 руб., а для семей с 6 детьми и более – 43,8 руб.

Если судить по оценкам уровня удовлетворенности браком многодетных матерей, то он значительно выше, чем в семьях с 1–2 детьми. Вполне удовлетворены браком 53% опрошенных, не удовлетворены – 6%. У москвичек с 1–2 детьми эти цифры составляют 36% и 31%[3].

Имеется довольно много объяснений причин существования многодетных семей в крупных городах, в неподходящих для их появления и проживания условиях. Наиболее распространена идея "остаточной" многодетности. Ее суть в объяснении многодетности как феномена, основанного на отживших социальных нормах. Это объясняют либо национальными традициями, либо семейными нормами. Действительно, семьи на-

---

[3]*Гурко Т.А.* Удовлетворенность браком как показатель супружеских отношений // Семья и социальная структура. М., 1987. С. 42.

Таблица 13. Распределение семей по уровню дохода и числу детей, %

Ежемесячный душевой доход	Число детей в семье				По всем семьям
	3	4	5	6 и более	
До 30 руб.	–	10	9	13	6
31–40	2	10	16	38	13
41–50	12	14	25	29	19
51–60	17	28	23	8	20
61–70	24	17	11	–	15
71–80	3	21	14	8	10
81–90	15	–	–	4	6
91–100	8	–	2	–	4
101 и более	19	–	–	–	7
Средняя по группе, руб.	73,8	54,8	51,4	43,8	59,1

циональностей, имеющих в коренных регионах традиционно высокую рождаемость как норму репродуктивного поведения, иногда сохраняют эту традицию и в регионах с низким уровнем рождаемости. Но насколько это объяснение универсально? Если оно верно, то и многодетность в крупных городах обречена на исчезновение независимо от изменения или сохранения существующего положения. Она будет исчезать по мере изменения социальных норм детности у следующих поколений, живущих в городских условиях, и изменения норм в национальных регионах.

Второе объяснение базируется на предположении, что многодетная семья сама себя воспроизводит, т.е. прививая воспитанным в ее среде детям нормы многодетности, она создает почву для появления многодетных семей в регионах, где рождение нескольких детей – исключение, а не правило.

Третье объяснение содержит религиозно-нравственные мотивы. Для людей верующих уничтожение уже зародившейся жизни – грех, более того, даже попытка предотвращения зачатия также в некоторых случаях является грехом. Кроме того, существует (обнаруживаемая при исследовании) группа семей, в которых культивируется бережное отношение к зачатию и недопустимость абортов не по сугубо религиозным, а по нравственным представлениям, не связанным с религией.

Если многодетность воспроизводится по "остаточному" принципу или самовоспроизводится из узкой совокупности многодетных семей, то родители, имеющие нескольких детей, тоже должны были воспитываться в многодетных семьях. По данным нашего исследования около 60% матерей жили в семье с двумя детьми, 20% – с тремя, 10% – с четырьмя детьми, пять детей и более были в 9% случаев. Для отцов многодетных семей эти цифры составляют 55, 20, 8 и 15% соответственно. Менее половины родителей относятся к сегодняшней многодетности собственных детей положительно, около 1/3 – сдержанно. Эти данные не подтверждают предполо-

Таблица 14. Мотивы собственной многодетности по оценкам матерей нескольких детей

Формулировка мотива в анкете	Распределение ответов		Группа мотивов
	абсолютное	%	
Вступая в брак, мы с мужем решили, что у нас будет много детей	40	9,4	
Я всегда хотела, чтобы в семье было много детей, а муж не возражал	31	7,3	I – 24,7
Мой муж всегда считал, что в семье должно быть много детей, и сумел настоять на своем	34	8,0	
Сначала, при заключении брака, мы не хотели иметь большую семью, но когда родился первый ребенок, изменили свое отношение к детям	22	5,2	
Нам хотелось иметь ребенка другого пола	62	14,6	II – 23,8
Мы не собирались иметь больше двоих детей, но рождение близнецов все изменило	17	4,0	
Мы собирались иметь детей, но многодетность получилась сама по себе	102	24,0	III–43,5
Вступая в брак, я не представляла, сколько у нас будет детей	83	19,5	
Другой ответ	4	0,9	
Затруднились ответить, не ответили	30	7,1	

жения, что современная городская многодетность вызвана семейными традициями.

Мотивы многодетности осознаются семьями в разной степени, и их анализ содержит множество явных и скрытых трудностей. В нашем исследовании они подразделялись на три группы: первая – установка обоих или одного из родителей на рождение нескольких детей до начала репродуктивного периода (в момент заключения брака); вторая – объяснение многодетности ситуативными обстоятельствами, выход из которых через многодетность оказался для супругов предпочтительным. Например, желание иметь ребенка другого пола испытывает гораздо большее число семей, чем реализующих его через рождение еще одного ребенка (а иногда и 2–3 детей). Третья группа объяснений не содержит собственно мотивов многодетности. Для респонденток из этой группы многодетность не была значимой ценностью и не стала результатом размышлений и осознанного изменения ценностей под влиянием обстоятельств. Для них наиболее приемлемо объяснение собственной многодетности как явления, не связанного с решениями и размышлениями, а получившегося потому, что "так сложилось" (табл. 14).

Если первая группа мотивов, характеризующаяся наличием изначально существующих и реализуемых установок на рождение нескольких

детей в семье, включает около 1/4 респондентов, вторая, – для которой характерно изменение установок по сравнению с предполагавшимися в начале семейной жизни, – также 1/4, то третья группа респонденток, у которых отсутствовало планирование числа детей в семье в современном понимании этого термина, составляет почти половину всех опрошенных.

В крупных городах в последнее время заметно повышение социальной активности многодетных семей, их стремление к объединению, созданию собственных советов многодетных семей, семейных клубов, общественных организаций при женсоветах, советах трудовых коллективов и т.д. Проведенное в 1988 г. изучение клуба многодетных семей "Оптимист" дает возможность описать основные социальные и демографические характеристики семей и супругов, которые проявляют такую активность. Клуб "Оптимист" был организован в 1985 г. на базе Выборгского дома культуры и техники Ленинграда. Он объединяет от 80 до 100 многодетных семей и функционирует по двум направлениям: 1) усиление воспитательного потенциала семьи через кооперацию семей и организованное планомерное повышение психолого-педагогических знаний родителей (проведение лекций и консультаций с врачами, юристами и другими специалистами, бесплатные кружки по интересам для детей, конкурсы детского творчества и др.); 2) улучшение положения многодетных семей через кооперированное взаимодействие с предприятиями (получение с предприятий уцененных изделий – тканей, одежды, посуды), отстаивание прав и интересов конкретных семей через клуб.

Большая часть родителей – членов клуба имеет либо высшее и незаконченное высшее (40%), либо среднее специальное образование (30%). Половина родителей при вступлении в брак была ориентирована на рождение нескольких детей. Среднее число детей в семьях актива клуба – 6,1. Дети из многодетных семей – членов клуба "Оптимист" активно проводят досуг, занимаются в спортивных секциях (3/4 всех детей), посещают кружки по интересам (1/3), а также учатся либо в музыкальной школе, либо в художественной школе, либо занимаются в бассейне (40% детей занимаются одним из трех видов деятельности). По приведенным данным можно сделать вывод, что социально активные родители ответственно подходят к воспитанию детей.

Общественное мнение о многодетной семье – один из наиболее острых вопросов в публицистике, научных публикациях, при обсуждении проблем многодетности в любой аудитории. Прежде всего необходимо определить, что именно является действительно общественным мнением, насколько высказываемые взгляды и представления отражают массовое сознание по отношению к многодетной семье, которое в структуре общественного мнения не занимает ключевой позиции.

Общественное мнение в социологии рассматривается через общественное сознание, заключающее в себе отношение (явное или скрытое) к процессам, явлениям, состояниям, деятельности различных групп и социальных институтов, организаций, личностей, причем складываемая исследователями картина часто бывает противоречивой, особенно если рассматриваются явления с противоречивыми элементами.

Общественное мнение о многодетности рассматривалось с двух позиций: собственно общественное мнение в урбанизированных регионах страны и мнение многодетной семьи об отношении к ней окружающих. В первом случае изучение проводилось по трем направлениям: оценка знаний о положении многодетной семьи, которые стали основой для формирования общественного сознания; собственно отношение населения к многодетности; отношение к мерам помощи и поощрения многодетных семей. Особое внимание уделялось соотношению мер материального и морального поощрения многодетности. По результатам опроса общественного мнения можно сделать ряд выводов.

1. Обнаружен низкий уровень информированности населения о наградах, льготах и денежных выплатах, которые получают многодетные матери. Около половины респондентов знают о наградах за многодетность. Низкий уровень информированности населения ведет к распространению разного рода предрассудков и мифов.

2. Высказано нежелательное отношение к изменению порядка награждений за многодетность путем упразднения существующей системы и создания принципиально новой. Это предложение поддержало только 11% респондентов. Более предпочтительным является путь изменений существующей системы за счет добавления новых поощрений обоих родителей, а не одного, как прежде, и включения семьи с 3–4 детьми в систему мер морального поощрения. Сложным остается вопрос о желательности введения новой государственной награды за качество воспитания детей. На желательность такой награды указало 27% всех респондентов.

Выделяется группа респондентов, отличающаяся резко отрицательным отношением к многодетности. Они считают, что увеличение числа детей в семье не следует поощрять (6,8% опрошенных), что награды за многодетность следует отменить (11,6%), льготы также отменить (1,7%).

По итогам опроса не выявлено позитивного отношения респондентов к многодетности, оно скорее нейтрально. Опрошенные полагают, что государство должно поощрять увеличение числа детей в семье с помощью ряда льгот и материального вклада в содержание детей начиная с первого ребенка и кончая четвертым. Поощрение посредством наград желательно в отношении трех-, четырех-, пятидетных семей. Положение многодетных семей объективно оказывается сейчас очень сложным, и не только в связи с материальным уровнем жизни, но и из-за отсутствия социальной поддержки. Отношение государства к многодетной семье не структурировано, благожелательность декларативна, так как не ведется никакой работы по созданию благоприятной атмосферы в общественном мнении. Именно этот факт и нашел отражение в результатах опроса общественного мнения о многодетной семье.

Изучение оценок многодетных матерей, отношения к ним окружающих выявило различие в этих оценках у матерей с 3–4 или 5 детьми и более. Респонденты в первом случае давали чаще положительные и реже отрицательные оценки. Единодушие у них наблюдалось только в оценке отношения к ним работников торговли. И те и другие в 1/3 случаев оценили его как отрицательное или враждебное (табл. 15).

Таблица 15. Распределение многодетных семей по оценке отношения окружающих к ним, %

Как относятся в Вашей семье*	Число детей в семье	
	3–4	5 и более
Работники детских дошкольных учреждений		
положительно	50	30
отрицательно или враждебно	3	9
Педагоги в школе		
положительно	88	44
отрицательно или враждебно	3	16
Врачи и медсестры в детской поликлинике		
положительно	88	56
отрицательно или враждебно	3	11
Соседи по дому		
положительно	75	50
отрицательно или враждебно	71	50
Жители микрорайона		
положительно	22	9
отрицательно или враждебно	71	50
Руководители районных организаций		
положительно	25	6
отрицательно	5	8
Руководители предприятий торговли		
положительно	32	18
отрицательно или враждебно	35	34

*Ответы на вопрос об отношении к семье давались по шкале с пятью вариантами ответов: положительно, безразлично, отрицательно, враждебно, затрудняюсь ответить, поэтому сумма ответов по каждой группе меньше 100%.

Если провести ранжирование отрицательных оценок, то по рангам картина будет одинаковой, хотя она строится на основе разных цифр. На первом месте оказались жители микрорайона (71 и 50%), на втором работники предприятий торговли (35 и 34%), на третьем – соседи по дому (12 и 21%). Если провести ранжирование положительных оценок, то и оно, совпадая по рангу у семей с 3–4 детьми и с 5 детьми и более, базируется на разных цифрах. Так, наилучшее отношение отмечено со стороны врачей и медсестер в детской поликлинике (88 и 56%) и со стороны педагогов в школе (88 и 44%), далее следуют группа соседей по дому (75 и 50%) и работники детских дошкольных учреждений (50 и 30%). В целом же отчетливо видна тенденция: семьи с 3–4 детьми, оценивая отношение к ним окружающих, считают его скорее благожелательным, для семей же с 5 детьми и более характерен значительный перевес отрицательных оценок. Складывается впечатление, что оценки респондентов отражают реальную картину отношения окружающих к семьям с несколькими

детьми. Описывая ситуации, в которых они сталкивались с очень плохим, запомнившимся отношением к ним окружающих, 3/4 респондентов рассказывали о внеочередном обслуживании. Скорее всего это характеризует не отношение к многодетности, а к привилегиям, льготам, особым возможностям некоторых категорий населения.

Уровень демократизации общества характеризуется степенью нравственной приемлемости отклонений от социальной нормы, которая считается в данном обществе наиболее желательной, принятой. Чем демократичнее общество, тем легче ему принять различные формы брака, отношений между супругами, принцип расторжимости брака. Этот же принцип должен распространяться и на детность семьи. Дело каждой семьи иметь столько детей, сколько она (а точнее – супруги) хочет иметь. Для многодетных семей, кроме признания права на существование, необходима материальная поддержка общества. В урбанизированных регионах, где сложились особые, культивируемые в условиях одно-двухдетной нормы отношения к детям, их материальному содержанию, качеству и структуре воспитания, поддержка многодетных семей становится особенно актуальной.

Речь идет о концепции развития семьи, которая должна существовать во всяком демократическом обществе. Какой должна стать завтрашняя семья? Какой мы хотим ее видеть из нашего сегодня? И что может сделать общество в этом направлении? В сущности, семья любого типа ощущает отсутствие целостной, целенаправленной социальной политики государства по отношению к себе, а многодетная семья, как крайний тип, материально наиболее уязвимый, чувствует это сильнее, чаще, дольше. Трудно говорить о мерах помощи только для многодетных семей, поскольку они должны быть органическим продолжением общего направления социальной политики по отношению к семье. В стране в настоящее время эти меры не структурированы. Это прежде всего объясняется отсутствием четко выраженных целей.

При выработке конкретных мер помощи многодетным семьям в разных регионах страны исполкомы местных Советов руководствуются общими соображениями о необходимости такой помощи и в первую очередь малообеспеченным семьям, а не реализацией программно-целевого подхода к проблеме. Этот подход предполагает разработку программы действий и комплекса мер с учетом всех видов затрат для достижения конкретной цели социальной политики. Так, если бы целью было оздоровление всех детей из многодетных семей, потребовался бы комплекс мер, включающий в себя: медицинское обследование детей из таких семей, обеспечение нуждающихся в лечении детей местами в детских специализированных больницах, в санаториях, обеспечение детей в школах диетическим питанием и т.п. Если же целью социальной политики было бы, например, создание для многодетных семей таких условий, при которых мать нескольких детей имела бы возможность максимально реализовать профессиональную активность, то и меры нужны были бы иные.

Сегодня основные меры социальной политики строятся по принципу минимизации затрат на них. Именно поэтому преобладают не материаль-

Таблица 16. Степень использования льгот для многодетных семей. %

Льготы	Респонденты		Ранг по графе 3
	знают о льготах	пользуются льготами	
Внеочередное предоставление мест в дошкольных детских учреждениях	87	45	4
Посещение врачей в детской поликлинике без очереди*	93	59	3
Внеочередное обслуживание в аптеках*	49	16	8
Получение продуктовых заказов на льготных условиях	91	79	1
Покупка детских вещей в специальном отделе детского магазина	92	67	2
Внеочередное обслуживание предприятиями бытового и коммунального обслуживания, сберкассами*	70	31	6
Внеочередная установка телефона (при наличии кабеля в доме)	71	40	5
Льготное приобретение бытовой техники	65	31	6
Подписка на книги (для семей с 5 детьми и более)*	42	20	7

*Льгота предоставляется в Москве по решению Исполкома Моссовета.

ные затраты, а льготы, например отдельная очередь на жилье. В качестве примера можно рассмотреть меры помощи многодетной семье, принятые до 1988 г. Исполкомом Московского Совета. Эти меры являются более многообразными и демонстрируют большее внимание к семье с несколькими детьми, чем в других больших городах страны. Перечень конкретных льгот и оценка степени их использования семьями отражены в табл. 16.

Обращает на себя внимание тот факт, что значительное число семей, имеющих право на получение льгот и знающих об этом, льготами тем не менее не пользуются. Объяснение этому следует искать как в образе жизни семьи этого типа и ее материальных возможностей, так и в характеристиках самих льгот: степени их нужности для многодетной семьи, стоимости льготных услуг, качестве и периодичности их предоставления.

Прежде всего заметим, что предоставленные семьям с несколькими детьми льготы трансформировались в право на обслуживание вне очереди или в другой меньшей очереди. Иначе говоря, многодетные семьи имеют несколько больше прав по сравнению с малодетной семьей на получение дефицитных товаров, мест, услуг. А если дефицита нет? А если дефицит не на что приобретать? А если он, наконец, просто не нужен каким-то семьям?..

В общем виде помощь государства многодетным семьям не рассматривается как материальный вклад в воспитание детей. Это не участие общества в содержании нужных ему детей, а эпизодическая или кратковременная помощь родителям из многодетных семей, малообеспеченных семей. Помощь государства не имеет постоянного характера, не выражается постоянной суммой выплат. Ее размер зависит от множества факторов. К ним можно отнести и уровень доходов семьи с несколькими детьми, и желание или нежелание семьи пользоваться детскими дошкольными учреждениями, отправлять детей в пионерский лагерь и многое другое.

Анализ существующих мер помощи многодетным семьям приводит к выводу об отсутствии концепции социальной политики по отношению к многодетным семьям. Предполагается, что комплекс мер социальной политики должен способствовать достижению каких-либо конкретных целей. В данном случае остается неясным, какова цель, для достижения которой используется данный комплекс мер.

При определении конкретных мер социальной политики постоянно смешиваются понятия "помощь малообеспеченным семьям" и "помощь многодетным семьям". Это смешение происходит из-за того, что семьи с 3–4 детьми часто (по данным нашего исследования в 21% случаев), с 5 детьми очень часто (в половине случаев), с 6 детьми и более почти всегда (около 90% семей) имеют душевой доход менее 50 руб. Такое смешение понятий, на наш взгляд, приводит к смешению целей и мешает определению отношения общества к семьям с несколькими детьми в условиях распространенной одно-, двухдетности.

И, наконец, последний вид помощи, которой, кстати говоря, многодетные семьи пользуются довольно часто, – это пособия по малообеспеченности. Этот вид помощи не адресован специально многодетным семьям, но ситуация складывается зачастую так, что именно это пособие является наиболее значимым вкладом общества в бюджет семьи с несколькими детьми.

ческим, гибким по времени, менее отчужденным, более целенаправленным, развитию личности, разностороннему использованию способностей и возможностей каждого индивида, развитию в человеке таких качеств, как доброта, желание помочь друг другу.

Вместе с тем следует учитывать и определенные негативные стороны этого процесса. Развитие производственной функции семьи, как правило, проходит в сложных противоречивых формах, условия ее реализации неоднозначны в семьях разного типа – городских и сельских, малодетных и многодетных, различной социальной принадлежности.

Нельзя исключать вероятность того, что развитие производственной функции семьи может осуществляться в условиях интенсификации труда ее членов, что не может не сказаться на состоянии их здоровья; есть определенная опасность формирования внутрисемейной узкой корпоративности, развития прогматического частнособственнического сознания.

Таким образом, семья – это сложная система, выполняющая самые разнообразные функции, тесно связанные друг с другом. Возвращение в семью производственной функции будет способствовать динамике развития семьи и семейных отношений, удовлетворению многообразных материальных и социальных потребностей семьи. Тем не менее эта функция должна реализовываться в тесной взаимосвязи с другими важными социальными и социально-психологическими функциями без ущерба для здоровья, духовного и культурного мира, личностных качеств ее членов, что требует комплексного изучения социологов, социальных психологов, экономистов, демографов.

Глава 7

ЖЕНЩИНА НА РАБОТЕ И ДОМА

Проблема укрепления семьи за последнее десятилетие резко выдвинулась в ряд самых насущных в нашем обществе. Сама постановка вопроса о том, что семью надо укреплять, поддерживать, говорит о неблагополучном положении в этой сфере общественной жизни.

А.Г. Харчев, глубоко проанализировав состояние современной семьи и ее исследований в одной из последних своих статей, рассматривает одно из наиболее широких марксистских определений семьи как "отношения, через которое и благодаря которому осуществляется воспроизводство человека, общественный механизм этого воспроизводства", и подчеркивает, что "стабильность семейных уз обеспечивается, с одной стороны, заинтересованностью членов семьи в совместной жизнедеятельности, внутренней сплоченностью семейной группы, с другой социальными нормами (правовыми, нравственными и т. д.), в которых выражается общественная заинтересованность в семье, ее сохранении и укреплений"[1].

[1] *Харчев А.Г.* Исследования семьи: На пороге нового этапа // Социол. исслед. 1986. №3. С. 27–28.

Какие же социальные нормы, регулирующие семейные отношения, складывались в нашем обществе в последние 60 лет?

До конца 20-х годов в нашей стране в основном сохранялась традиционная модель семьи, в которой муж был кормильцем, а женщина вела дом, хозяйство, растила детей. Задача в кратчайший срок создать промышленность, восстановить и укрепить сельское хозяйство потребовала огромного количества дополнительной рабочей силы. Началось массовое вовлечение женщин в общественное производство. Помимо необходимости, вызванной потребностями социалистического строительства, "высвобождение" женщин из домашнего затворничества было одной из задач культурной революции и рассматривалось как важный шаг на пути достижения социального равноправия женщин и мужчин. При этом считалось, что проблемы воспитания детей должны решиться за счет общественных детских учреждений, школ и общественных массовых организаций. О том, что это может заметно сказаться на режиме воспроизводства населения, тогда не беспокоились, так как рождаемость в европейском регионе сохранялась еще на достаточно высоком уровне.

Можно сказать, что в настоящее время процесс вовлечения жещин в общественное производство в нашей стране завершился, ибо достиг максимума: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., около 92% женщин трудоспособного возраста работали или учились, из них 84% работали. Доля женщин среди всех занятых в народном хозяйстве СССР с 1970 г. сохраняется на постоянном уровне – 51%[2]. Только 8% женщин трудоспособного возраста не участвовали в общественном труде; это, как правило, женщины, находящиеся в отпуске по уходу за маленькими детьми. Кроме того, в настоящее время (начиная с 70-х годов) по уровню высшего и среднего специального образования молодые женщины даже опережают мужчин.

Таким образом, роль и значение женщины в обществе совершенно изменились. На протяжении многих последних десятилетий ее значительно больше уважали и ценили как работника, общественницу, а не как мать, тем более домохозяйку. О том, насколько образ работающей женщины стал общепринятой нормой, говорят данные социологических исследований мотивов и причин производственной работы женщин. Так, в исследовании, проведенном сектором социальных проблем семьи Инситута социологии АН СССР в 1982 г. в Орле (опрошено 200 семей), на первом месте были финансовые причины (50% опрошенных), на втором – "все трудоспособные люди должны работать" (31%), на третьем – "работа придает моей жизни смысл и ощущение своей нужности" (23%), одинаковое число респонденток (по 17%) отметили такие мотивы, как "социальный статус и престиж" и " работа дает возможность уйти от проблем и обязанностей в доме". Последний мотив особенно примечателен. Он выражает те проблемы и противоречия, которые ярко выявились в этой сфере в последние два-три десятилетия.

Если проанализировать литературу о женщинах и женском труде, то

[2] См.: Женщины в СССР. 1987 г.: Стат. материалы. М., 1988. С. 50.

примерно более 90% авторов пишут только о том, какие условия необходимо создать, чтобы женщина повышала свой образовательный и профессиональный уровень, свою общественную активность. Много пишут об улучшении возможностей для успешного совмещения женщиной профессиональных и семейных обязанностей, но в основном с точки зрения того, как освободить ее от домашних забот, чтобы повысить ее социальную активность. Эта литература отражает существующие нормы отношения к женщине и к семье. Только в последние годы появились работы, по-иному трактующие этот вопрос (например, А.Г. Харчева, А.И. Антонова). Э.Н. Новикова пишет, что "сам по себе высокий уровень занятости женщин не может служить показателем эффективности использования их труда, если при этом нарушается режим воспроизводства населения"[3].

Многими социологами и демографами массовое вовлечение женщин в общественное производство связывается с такими изменениями в семье, как снижение рождаемости, увеличение числа разводов и вслед за этим появление семей, где ребенка воспитывает, как правило, одна мать. Обследования бюджетов времени показывают, что работающая женщина уделяет непосредственному общению с детьми в среднем 7,5 ч в неделю, или 1–1,5 ч ежедневно. Однако при этом около 60% времени тратится на уход за детьми и только 40% – на занятия с ними: чтение, игры, прогулки и т. п.[4]. Отсутствие возможности у матери больше находиться дома нарушает и воспитательную функцию семьи, о чем свидетельствует, по нашему мнению, рост правонарушений среди подростков, неподготовленность молодежи к браку, распространение внесемейных ценностей и ориентаций и т. д.

В настоящее время позабыто или отошло на второй план представление о том,что формирование и развитие личности женщины, выявление ее индивидуальности, творческих способностей и человеческой ценности может происходить не только в сфере профессионального труда, но и в сфере материнства. А.Г. Харчев подчеркивал в своих работах, что "самой важной для судеб страны и социализма формой творческого труда женщин является труд материнский"[5].

Потому и возникает эта вечная дилемма у современных женщин – работа или семья, – что социальные нормы и ожидания, регулирующие семейную жизнь, противоречивы и неоднозначны. С одной стороны, вся общественная система организована таким образом, что поощряет только работающего в общественном производстве человека, как мужчину, так и женщину. Их труд в семье никак не отмечается и не вознаграждается. Экономически выгоднее быть одиночками или иметь минимум детей. Но, с другой стороны, ценность семьи все же продолжает существовать в сознании людей, несмотря на длительное невнимание к ней, существовать в силу полифункциональности семьи, которая является не только "институтом", но и "малой группой", союзом людей , близких по крови и, как правило, по духу. Только в семье могут наиболее полно удовлетворяться эмоционально-психологические потребности людей, человек перестает быть одиноким. "Иметь семью" – всемерно превозносимая и пропагандируемая норма. Помимо этих противоречий, положение семейных работающих женщин, особенно с маленькими детьми, усугубляется недостаточной помощью ей в выполнении домашних обязанностей со стороны бытовых и общественных учреждений, призванных делать это, и очень часто со стороны других членов семьи. На работе женщины-матери тоже довольно часто сталкиваются с невниманием и непониманием, что приводит к большим физическим и нервным перегрузкам женщины.

---

[3]*Новикова Э.И.* Женщина в развитом социалистическом обществе. М., 1985. С. 47.

[4]*Груздева Е.Б., Чертихина Э. С.* Советские женщины: Труд, семья, свободное время. М., 1985. С. 60–61.

[5]*Харчев А.Г.* Исследования семьи: На пороге нового этапа. С. 33.

Возможности гармоничного сочетания женщиной профессиональных и семейных ролей в значительной мере определяются ее практической и психологической готовностью к семейной жизни. Но сейчас к семейной жизни нередко оказываются плохо подготовленными не только мальчики, но в значительной мере и девочки. В школьные годы они воспитываются в духе полного равенства возможностей выбора во всех сферах жизни. Многочисленные домашние обязанности и ответственность за семью, которая при вступлении в брак ложится в основном на плечи молодых женщин, дополняются социокультурным стандартом распределения семейных ролей, что резко контрастирует с равноправным положением юношей и девушек как товарищей по учебе или работе.

Очевидно, что не все женщины в равной степени испытывают трудности совмещения двух своих ролей. Одним это удается лучше, другим хуже. В одном из исследованиий была сделана попытка определить такие контингенты женщин и провести более дифференцированный анализ их установок на профессиональный труд и на семью в зависимости от принадлежности к определенной социальной группе[6]. Насколько известно, такой подход ранее не применялся, ибо в каждом исследовании рассматривалась какая-либо одна профессиональная группа и не было возможности выявить социальные различия в семейной сфере.

Выборочная совокупность была разбита на следующие профессиональные группы: работницы (на производстве, транспорте, строительстве, в сфере обслуживания) – 21%, служащие – 21%, инженерно-технические работники на производстве, в строительстве, конструкторских бюро – 21%, специалисты с высшим образованием (врачи, юристы, научные работники, преподаватели школ и вузов и т. п.) – 19%. В ходе исследования определялось отношение женщин к работе и к семье. Более четверти респонденток (26%), одинаково высоко оценивая профессиональную деятельность и интересы семьи, считают, что замужняя женщина должна работать наравне с мужем (исключая период воспитания грудного ребенка). Почти столько же женщин (28%), хотя и ориентированы на совмещение двух видов деятельности, полагают, что интересы семьи важнее, чем профессиональная карьера. Тех, кто думает, что надо работать только по материальным соображениям, а при хорошем зара-

---

[6]Исследование проведено сектором социальных проблем семьи в 1984 г. по программе "Семья и социальная структура социалистического общества"; опрошено 418 семей с подростками 14–15 лет.

ботке мужа остаться дома, воспитывать детей, заботится о семье, почти в два раза меньше (15%). Остальные выразили другое мнение или не ответили на соответствующий вопрос. Таким образом, для значительной части женщин семья по-прежнему остается первостепенной ценностью, играет в их жизни более важную роль, чем работа. В отношении первых двух мнений значительных различий между представительницами отдельных социально-профессиональных групп не обнаружилось. Ориентация на совмещение , но с предпочтением семейных ценностей заметнее всего выражена в группе специалистов, затем служащих и почти одинаково у технической интеллигенции и рабочих. Наиболее ярко проявляются различия между социальными группами только в ориентации на работу по материальным соображениям: среди рабочих таких женщин в 2 раза больше, чем среди служащих и специалистов.

О месте работы в структуре ценностей опрошенных женщин можно судить и по их ответам на вопрос:"Хотите ли Вы работать в будущем, если у вас будет материальная возможность уйти с работы?" Большинство женщин (87%) ответили положительно, из них 55% выразили желание остаться работать на прежнем рабочем месте, причем больше всего таких женщин среди служащих и специалистов, меньше – среди инженерно-технических работников. Желающие перейти на наиболее интересную работу чаще встречаются среди технической интеллигенции и рабочих (21 и 18% соответственно), реже – среди специалистов (6%). Работать неполное время больше всего хотели бы инженерно-технические работники (15%) и специалисты (14%). Среди служащих таких всего 9% и почти нет среди рабочих. Среди желающих уйти с работы больше рабочих и инженеров (по 6% в каждой группе по сравнению с 3% служащих и 4% специалистов). Эти данные, на наш взгляд, наиболее убедительно доказывают влияние социальных норм, согласно которым женщина обязательно должна работать. Эти нормы настолько укоренились в сознании женщин, что большинству трудно представить себе иную ситуацию. Правда, отчасти такие ответы могут объясняться особенностями выборки, так как опрашивались семьи, просуществовавшие не менее 15 лет, где дети в основном уже выросли и груз домашней работы не так велик, как в семьях с маленькими детьми.

Дополнительную информацию о ценностных и ориентациях женщин разного профессионального положения дает анализ мотивов, по которым женщины все равно продолжали бы работать. На первом месте – нежелание ограничить свою жизнь только домашними делами (21% ответивших), причем видна четкая прямая зависимость от уровня профессиональной квалификации: у специалистов этот мотив встречается в 2 раза чаще (30%), чем у рабочих (15%). Два следующих мотива назвали одинаковое число респонденток (по 16%); это – опасение перестать следить за собой, вести активный образ жизни, причем он встречается примерно в равной степени у представительниц всех социально-профессиональных групп. Мотив – "я привыкла всегда работать и не представляю свою жизнь иной" – ведущий для рабочих и служащих (по 21% ответивших в каждой группе) и значительно менее значим для технической интеллигенции и специалистов (13 и 12% соответственно). Четвертый мотив – опасение, что жизнь, ограниченная только домом, станет

скучной и неинтересной, – назвали 12% опрошенных, причем между профессиональными группами практически нет различий. Отчетливо видно, что представления о "хорошей, нормальной" жизни связаны у большинства женщин именно с производственной деятельностью, а не с семейной. Объективное экономическое положение подкрепляется существующей системой воспитания молодых поколений женщин.

Анализ мотивов профессиональной деятельности показывает, что существующие различия особенно сильно проявляются при сравнении технической интеллигенции и специалистов, с одной стороны, с рабочими и служащими – с другой. Для первых двух групп работа – это прежде всего уход от однообразных домашних обязанностей и средство удовлетворения потребности в самоутверждении и развитии личности. У вторых преобладают материальные мотивы работы, а требования к содержанию находятся на втором плане. Очевидно, с повышением уровня образования, квалификации и профессионального положения возрастает культурный уровень женщин и, следовательно, повышаются их требования к работе с точки зрения удовлетворения духовных потребностей и интересов. Причем жизнь таких женщин не ограничивается только двумя сферами – семейной и профессиональной, у них высока ориентация на культурно-досуговую деятельность, общение. Возможность же ее реализации, когда в семье есть дети, не очень велика (как будет показано дальше). Отсюда попытки компенсировать этот дефицит в сфере трудовой деятельности. Для них же более характерна ориентация на внесемейные виды деятельности.

В исследовании выяснялось отношение женщин к домашней работе и их представления о должном распределении домашних обязанностей между супругами. Отношение женщин к домашнему труду определялось с промощью нескольких пар суждений, выражающих противоположные мнения. Выделенные таким образом крайние типы можно условно назвать *традиционным* (характеризуется стремлением выполнять хозяйственные дела дома, и как правило, вручную) и *современным* (готовность использовать общественные услуги и разнообразную бытовую технику). "Современная" ориентация типична для имеющих высшее образование – инженерно-технических работников и специалистов, причем у первых она выражена сильнее. Однако большинство женщин пока сохраняют "традиционное" отношение к домашней работе, что, как нам кажется, в наибольшей степени объясняется низким качеством бытового обслуживания и бытовой техники.

Представление женщин о распределении обязанностей между супругами в целом уже далеко от традиционного: 51% опрошенных считают, что если оба супруга работают, то домашние дела они должны делить поровну. Такую установку мы назвали *эгалитарной*. Четвертая часть респонденток придерживается мнения, что домашние дела должны распределяться в зависимости от нагрузки на работе, склонностей и т. д. (*дифференцированная* установка). Только 10% женщин склоняются к "традиционному" разделению домашних обязанностей на женские (приготовление еды, стирка уборка и т. д.) и мужские (починка бытовых приборов, столярные работы и т. п.). Анализ данных не выявил однознач-

ной связи установок на распределение домашних обязанностей с уровнем профессиональной квалификации. Это говорит о том, что определенную роль в их формировании играют другие факторы: специфика родительской семьи, профессиональное положение матери респонденток, распределение обязанностей между родителями, взаимоотношения супругов.

Анализ данных о фактическом распределении домашних обязанностей в семьях опрошенных женщин показал, что в действительности равноправие, на которое ориентировано более половины респонденток, еще далеко не достигнуто. Реальное положение характеризуется сохранением разделения домашних обязанностей на женские и мужские, причем единственное дело, которое большинство мужчин (в 64% семей) выполняют единолично, – это мелкий ремонт бытовых приборов, мебели и т. п. Кроме того, можно выделить несколько видов домашней работы, в которых мужья чаще всего помогают женам, но редко выполняют их одни. Это покупка продуктов (55%), уборка квартиры (48%), мытье посуды (47%), приготовление пищи (31%), игры и прогулка с детьми (38%), проверка домашних заданий у детей (30%).

В то же время обязанности современной женщины не ограничиваются бытовыми делами. Они в большей мере, чем мужчины, участвуют во всех важнейших делах семьи – планирование бюджета, досуга и т. д. Причем в семьях, где женщина имеет более высокий профессиональный уровень, эти проблемы чаще решаются совместно. Однако в целом доля респонденток, единолично занимающихся почти всеми видами домашней деятельности, еще достаточно велика (58% полностью распоряжаются деньгами, 43% решают хозяйственные вопросы, 34% предлагают, что делать в свободное время, как проводить отпуск и т. д.).

В условиях очень плохой работы сферы торговли и бытового обслуживания и при недостаточной помощи других членов семьи женщины оказываются чрезвычайно перегружены физически, психологически и эмоционально. И в то же время для высокообразованных и высококвалифицированных респонденток особенно острым является не столько противоречие между работой и семьей (поскольку они не хотят, как правило, отказываться ни от той, ни от другой альтернативы), сколько между профессиональными и семейными обязанностями, с одной стороны, и стремлением к удовлетворению культурных и досуговых потребностей, связанных с развитием личности и творческих возможностей, – с другой. Видимо, поэтому, как показало данное исследование, наиболее гармонично сочетают две сферы деятельности женщины со средним (общим и специальным) уровнем образования и профессиональной квалификации. Соответствующее противоречие между профессиональной и семейной деятельностью женщин в значительной мере является также следствием утвердившейся в нашем обществе системы ценностей, в которой высоким уважением пользуется прежде всего социально и профессионально активная женщина, а престиж материнства и семейной деятельности довольно низок.

О том, что социальными нормами, сложившимися в нашей стране, предписывается прежде всего быть "человеком работающим, а не "человеком семейным", свидетельствует положение семей, где детей больше двух – как среднедетных (3–4 ребенка), так и многодетных (5 детей и более). Пока что такие семьи испытывают на себе только "карательные" санкции.

В 1987–1988 гг. сектором социальных проблем семьи было проведено исследование многодетных семей в Севастопольском районе Москвы (при участии автора). Для обследования был выбран жилой массив Северное Чертаново, характеризующийся высокой долей многодетных семей в населении (около 10% по сравнению с 2% в целом по Москве)[7].

В ходе исследования было выявлено несколько серьезных проблем многодетных матерей.

Во-первых, неблагоприятное отношение к многодетным семьям со стороны окружающего населения. Около 60% опрошенных многодетных женщин определило отношение к ним со стороны жителей микрорайона, с которыми им приходится сталкиваться в магазинах, на транспорте, в поликлиниках и т. д., как отрицательное и враждебное. Хотя частично это можно объяснить чрезмерной концентрацией в одном замкнутом микрорайоне большой группы населения, имеющей право на некоторые льготы по внеочередному обслуживанию при крайне плохой организации социально-бытовой инфраструктуры. В целом же такое отношение к семьям с числом детей более двух (общепринятой нормы) отражает восприятие основной массой населения таких семей как сильное отклонение от нормы, а так же пренебрежение к женщине, выступающей прежде всего и исключительно в роли матери. Не случайно, видимо, почти все предложения респонденток относительно мер помощи многодетным семьям (анкета завершалась таким вопросом) начинались с призывов изменить отношение общества к семьям вообще (поставить интересы семьи и детей в центр внимания всего общества) и к многодетным в частности (больше освещать жизнь и проблемы этих семей средствами массовой информации, показывать, что они сознательно берутся за нелегкий труд воспитания полноценных членов общества).

Во-вторых, существенное ухудшение их материального положения по мере увеличения числа детей в них. Из-за тяжелого материального положения, большинство многодетных семей испытывают большие трудности в организации летнего отдыха за городом и занятий спортом, что непосредственно связано со здоровьем детей. В многодетных семьях далеко не все дети обеспечиваются путевками на детскую загородную дачу и в пионерские лагеря, так как в учреждениях, где работают их родители, на одного работающего дают одну, максимум две путевки. Таким образом, значительная часть детей из многодетных семей, не имеющих собственной дачи или родственников в деревне, проводят лето в городе. Эту проблему можно решить путем предоставления дачных участков таким семьям недалеко от Москвы, предоставления им на лето так называемых государственных дач за небольшую цену, либо обеспечением всех желающих путевками в пионерский лагерь через райсобесы, а не через предприятия, на которых работают родители.

[7]Подробнее см.: Гл. 5 настоящей книги.

В-третьих, – проблема работы матери. Из опрошенных нами многодетных матерей не работают только 10,8%, временно оставили работу (находятся в отпуске по уходу за ребенком) 12,1%, работают 77% женщин. Занятость женщин значительно различается в зависимости от числа детей у них. Среди трехдетных работают 85% матерей, четырехдетных – около 83%, пятидетных – 76,0%, с шестью и более детьми работают 52% женщин. С увеличением числа детей в семье растет также доля временно и постоянно не работающих.

Среднедетные (трое-четверо детей) и многодетные (5 детей и более) женщины довольно четко разделяются по отношению к профессиональной карьере и по режиму работы.

Полный рабочий день на предприятии проводят 46,7% среднедетных женщин и 32,6% женщин с 5 детьми и более; 33,6% женщин с 3–4 детьми работают по скользящему графику или со свободным режимом прихода и ухода. Более половины женщин с 5 детьми и более (54,3%) также предпочитают такую работу. Не очень многие женщины заняты действительно надомным трудом (10,9% многодетных). Виды таких работ, которые может предоставить государство, в Москве немногочисленны и чрезвычайно низко оплачиваются (например, вязание, шитье и т.д.). Такая работа отнимает у женщин довольно значительное время, а материальный выигрыш невелик. Очевидно, поэтому эти виды работ не очень популярны среди многодетных матерей, в то же время даже такую работу довольно сложно получить в своем районе, так ее мало, и, по словам многих женщин с 6 детьми и более, их не очень охотно берут на работу вообще, предпочитая зачастую пенсионеров.

Данные о профессиональном статусе женщин при рождении первого ребенка и в настоящий момент показывают, что в группе женщин с 5 детьми и более произошло значительное снижение профессионального уровня: около половины матерей, работавших ранее служащими и имеющих либо среднее специальное, либо высшее образование, работают теперь неквалифицированными рабочими – уборщицами, нянями, озеленителями, в составе персонала детских садов и т.п., т.е. на всякой работе, которая находится близко от дома и является удобной для совмещения ее с домашними обязанностями и воспитанием детей. Но главное, что они продолжают работать даже при наличии 5 детей и более, так как их заработок очень важен для бюджета семьи, и проблемы для многодетных женщин заключаются уже не в трудностях совмещения работы и семейных обязанностей (они этому уже научились), а в трудностях поисков удобной для них работы.

В этой группе стало также значительно больше неработающих женщин (28,9%) – либо временно, находящихся в отпуске по уходу за грудным ребенком или считающих, что дошкольники должны воспитываться дома, либо постоянно (это относится только к очень большим семьям). В группе 3-4-детных женщин не работали на момент опроса только 6,2%. Кстати, по нашим наблюдениям, очень многие женщины с 5 детьми и более считают, что детей до школы лучше воспитывать в семье, и многим это удается (детские дошкольные учреждения посещают около четверти детей дошкольного возраста из многодетных семей), так как они либо

выбирают соответствующий режим работы, либо оставляют малышей на старших детей, в редких случаях на бабушек. В группе матерей с 3-4 детьми ни у одной женщины с высшим образованием не снизился профессиональный уровень, однако многие из них испытывают большое напряжение, совмещая работу и семейные обязанности, и от многих из них исходили предложения сокращать рабочий день для женщин с 3 детьми и более на 2–3 ч без изменений в зарплате.

Думается, одной из причин снижения квалификационного уровня женщин является нежелание администрации многих предприятий и учреждений идти навстречу многодетным женщинам и шире предоставлять им возможность работать на дому (при полной ставке), либо на полставки – неполный рабочий день ежедневно или через день. На вопрос о пожеланиях относительно наиболее удобного вида работы около 40% опрошенных назвали именно такие режимы работы. И это вполне понятно. Чтобы действительно успевать делать необходимый объем домашней работы и заниматься с детьми (а не отдавать их в интернаты на воспитание государству), женщине необходимо почти все время находиться дома. Большинство обследованных нами многодетных матерей достаточно ответственно относятся к своим обязанностям по воспитанию детей, считают это своим важнейшим делом и думают, что принесут пользу обществу, вырастив несколько детей.

Однако работать женщинам необходимо по материальным соображениям, так как доход многодетных семей очень невелик. Снижение квалификационного уровня означает и снижение зарплаты. Следовательно, чем больше у женщины детей, тем больше она проигрывает в материальном отношении. А ведь в интересах государства сделать ситуацию обратной. В этой связи необходимо, по-видимому, продумать ряд мер по улучшению материального положения многодетных семей, созданию возможностей для матерей либо не работать некоторое время совсем с выплатой достаточных средств на содержание детей., либо работать в оптимальном для них режиме и за достаточную плату.

В положении многодетных семей в большом городе, как в увеличительном стекле, видны проблемы всех семей с детьми. И решать их надо не изолированно, а в единой системе мер укрепления семьи, если мы хотим иметь полноценные – по количеству и качеству – поколения.

К сожалению, все предложения о создании благоприятных условий для совмещения женщиной ее профессиональных и семейных ролей пока не дают практического результата с точки зрения успешного выполнения семьей ее главной функции – воспроизводства (количественного и качественного) человека. Количество стремительно снижается, а качество (здоровье и воспитание) оставляет желать много лучшего.

Думается, что сейчас надо ставить вопрос не о совмещении, а о праве *выбора* женщиной одной из двух одинаково обеспеченных и гарантированных возможностей – заниматься семьей или работой, причем в зависимости от этапа жизненного цикла семьи, т.е. предпочтительнее чередовать профессиональную и семейную деятельность, по крайней мере на период воспитания детей-дошкольников; надо создавать для этого женщине возможности, исходя именно из такой стратегии. Ее

семейная деятельность должна быть обеспечена экономически, а профессиональная – социально, т.е. должна существовать определенная система восстановления профессиональных навыков и умений, а также обеспечения женщин удобной работой. Экономическое обеспечение "семейной карьеры" женщины может происходить за счет более широкого и качественно нового использования фондов общественного потребления, а также за счет включения в зарплату мужа, отца семейства, если он имеется, специальных семейных надбавок в зависимости от числа иждивенцев в семье. Предоставление женщинам возможности не работать для ухода за детьми (хотя бы тем 15-20%, которые предпочитают семью профессиональным интересам) даже на длительное время и с выплатой некоторой средней заработной платы, с одной стороны, поможет оттоку излишней рабочей силы в различных отраслях народного хозяйства и будет способствовать не экстенсивному, а интенсивному использованию трудовых ресурсов, а с другой – принесет ощутимый результат с точки зрения укрепления семьи и воспитания подрастающего поколения. Экономически подкрепленные меры помощи семье дадут возможность изменять социальные нормы семейной жизни. Этому же будут способствовать учебные программы по подготовке к семейной жизни, семейные консультации и средства массовой информации.

Глава 8
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ В СССР

История жизни крестьянской семьи в России на протяжении веков была неразрывно связана с хозяйством – землей, скотом, семейным домом. Это хозяйство составляло экономическую основу жизни крестьян, обеспечивая их практически полностью всей необходимой животной и растительной продукцией. Оно же определяло и основные черты образа жизни сельской семьи: структуру, характер взаимоотношений между всеми ее членами, распределение обязанностей, формы главенства и подчинения, воспитание детей.

Еще большее значение в сознании крестьян личное хозяйство приобрело после революции, когда по Декрету о земле огромные массы сельского населения получили дополнительные земли (свыше 150 млн десятин), а с ними и новые возможности наладить и улучшить свою жизнь. Благополучие и достаток семьи теперь зависели от самих крестьян – производительности их труда, мастерства, силы, личных умений каждого из членов семьи, крестьянского "понимания земли".

X съезд партии, принявший в 1921 г. решение о замене продразверстки продналогом и снявший ограничения на развитие кооперации, по существу, высказался за широкую демократизацию государственной и общественной жизни. В результате первое же десятилетие принесло огромные успехи в подъеме сельского хозяйства. Так, за первые три

года после введения продналога производство зерна в стране увеличилось на 33%, продукции животноводства – на 34, сахарной свеклы – на 480%.

Численное соотношение бедных и средних дворов с 3:1 в 1921 г. изменилось к 1928 г. на обратное, налаживалось снабжение городов.

Однако крестьяне не очень активно продавали свою продукцию, так как закупочные цены, особенно на хлеб, директивно назначались необоснованно низкими. Разработка теории социалистической экономики оказалась к этому времени в руках сторонников административно-принудительных методов руководства, которые, пользуясь демагогической формулой "революционной целесообразности", постепенно подменили профессионализм и экономическую грамотность политическими лозунгами и партийными директивными указаниями. Это обстоятельство стало решающим для дальнейшего развития сельского хозяйства. Место экономического механизма заняли административно-директивные рычаги управления. Усилилось действие репрессивных методов. Крестьян решили *заставить продавать* продукты их труда дешевле, чем это требовали объективные законы экономики, и *заставить работать* вопреки отсутствию личной заинтересованности, подавив сложившиеся веками, отвечающие природе крестьян естественные стимулы к труду. Так был проведен наиболее пагубный социально-экономический эксперимент в деревне – коллективизация.

В начале 30-х годов основная часть земли и крестьянского труда были обобществлены в колхозы, их личное усадебное хозяйство оказалось отодвинутым на второй план и стало "подсобным" и по названию и по сути. Однако, став подсобным, приусадебное хозяйство продолжало выполнять свою функцию – кормить семью. Помимо того, основную часть оплаты труда в колхозе составляла натуральная продукция. Излишки крестьяне могли продавать. Но денежные доходы оставались очень небольшими. Только 4% сельского населения к 1965 г. имели денежные доходы свыше 100 руб. в месяц[1].

Распространение многоступенчатой системы административной бюрократии положило начало обезличиванию крестьянского труда, так как ответственность каждого работника в большом колхозном хозяйстве терялась и нивелировалась. Крестьянин не видел четкой связи между затратами труда и его результатами. Это снижало стимулы к труду, лишало его смысла.

На этом этапе крестьянин, видя неэффективность, а зачастую и плохую организацию труда в колхозе, сосредоточил основной свой энтузиазм на традиционной работе в личном подсобном хозяйстве, пренебрегая работой в общественном производстве. Личные хозяйства в 1950 г. обеспечивали по некоторым видам сельскохозяйственной продукции больше половины производства: молока – 75%, мяса – 67, овощей – 53%[2]. Производительность их в этот период стала очень высокой. Крестьяне пол-

---

[1] *Левин Б.М., Петрович М.В.* Экономическая функция семьи. М., 1984. С.64.

[2] Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1971.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕМЬИ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Утверждено к печати Институтом социологии АН СССР

Заведующая редакцией *Г.И. Чертова*

Редакторы *Г.А. Демина, Н.Б. Макеева.* Художественный редактор *И.Д. Богачев*

Технические редакторы *Н.М. Бурова, Г.П. Каренина.* Корректор *Л.А. Агеева*

Набор выполнен в издательстве на наборно-печатающих автоматах

ИБ № 46378

Подписано к печати 12.11.90. Формат 60 X 90 1/16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная. Усл.печ.л. 8,0. Усл.кр.-отт. 8,3
Уч.-изд.л. 9,8. Тираж 2000 экз. Тип. зак. 790. Цена 2 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

